

Алессандро Барикко

Без крови

Женщины у Барикко всегда таинственны и прекрасны, но кто знает, какие страхи, страдание, кровь таит их молчание...

Алессандро Барикко

Без крови

«Азбука-Аттикус»

2002

Барикко А.

Без крови / А. Барикко — «Азбука-Аттикус», 2002

Алессандро Барикко – один из самых ярких европейских писателей XXI века, автор обошедших весь мир бестселлеров «Шелк» и «Море-океан», лауреат многих престижных литературных премий. Повесть Барикко «Без крови» вышла в Италии в 2002 году, когда по свету уже разошлись миллионы экземпляров «Шелка», а Дж. Торнаторе снял «Легенду о пианисте». Замысел этой книги кристаллизовался вокруг образа ребенка, маленькой девочки, свернувшейся клубком в подвале. Она слышит шум, звуки выстрелов, стон отца, ругательства, но всего этого как бы не существует; не открывая глаз, она лелеет крохотный островок тепла меж сжатыми ладонями. Отец и брат героини убиты, дом сгорел. Прошое, кажется, похоронено навсегда. И все же кровь отмыть невозможно. Спустя десятилетия прошое воскресает...

© Барикко А., 2002

© Азбука-Аттикус, 2002

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Алессандро Барикко Без крови

Писатели должны писать книги с концом. После того как книга написана, для читателя она может длиться практически вечно. Это, разумеется, зависит от того, хорошо книга сделана или нет. Мы должны предоставить читателю полностью завершенный объект. Если книга мастерски сделана, она будет разговаривать с читателями долгое время.

Алессандро Барикко

Душа книги Алессандро Барикко «Без крови» заключена во второй части, где мужчина и женщина много лет спустя после кровавой бойни сидят за бокалом вина. В их тихом разговоре из страха, страдания, мести рождаются новые чувства: любовь и прощение, жалость, усталость, благодарность и спокойствие. Порой они еще не имеют названий, они зарождаются на кончике пера настоящего писателя.

Жан-Батист Аранг («Libération»)

I

Окруженная полями, старая усадьба Мату Ружу выглядела слепой – и как бы изваянной из черного мрамора в лучах заката. Единственное пятно на безукоризненной глади равнины.

Четыре человека подъехали к усадьбе на старом «мерседесе». Дорога была пыльной и ухабистой – обычная проселочная дорога. Мануэль Рока увидел их через окно.

Он подошел к окну ближе. Сперва перед ним предстало облако пыли над кукурузным полем. Затем донесся звук мотора. Ни у кого больше в этих краях – Мануэль Рока знал – не было машины. «Мерседес» показался вдали и исчез за дубовой аллеей. Больше Мануэль Рока туда не смотрел.

Он повернулся к столу и положил ладонь на голову дочери.

– Вставай, – сказал он ей. Потом достал из кармана ключ, бросил его на стол и кивнул сыну.

– Сейчас, – отозвался сын. Оба они были детьми, еще детьми.

У моста через ручей старый «мерседес» свернул с дороги, ведущей к усадьбе, и направился в сторону поместья Альваресов, будто бы удаляясь от Мату Ружу. Четверо в машине хранили молчание. На водителе было что-то вроде военной формы. На сидевшем рядом – куртка кремового цвета. Выглаженная. Он курил французскую сигарету.

– Не так быстро, – приказал он.

Мануэль Рока услышал, как машина удаляется к Альваресам. Кого они хотят надуть? Сын возвратился в комнату: одно ружье в руке, другое – под мышкой.

– Положи их, – сказал Рока. Потом обернулся к дочери. – Иди сюда, Нина. Не бойся. Иди ко мне.

Элегантно одетый человек загасил сигарету о приборную доску «мерседеса» и приказал водителю остановиться. Вот здесь, и заглуши, к чертям, эту тарактелку. Он услышал скрип ручного тормоза: будто размоталась цепь колодезного ведра. Потом – ни звука. Местность вокруг, казалось, потонула в нерушимом спокойствии.

– Давайте прямо туда, иначе мы дадим ему время сбежать, – предложил один из сидящих сзади. В руке он держал пистолет. Совсем еще мальчишка. Звали его Тито.

– Не сбежит, – возразил элегантно одетый. – Он уже достаточно набегался. Пошли.

Мануэль Рока отодвинул корзины с фруктами, нагнулся, поднял крышку люка и окинул взглядом подвал. По размерам он скорее мог считаться большой ямой и напоминал звериную нору.

– Слушай меня, Нина. Сейчас сюда придут люди, и я не хочу, чтобы они тебя видели. Ты спрячешься здесь, лучше всего спрятаться и подождать, пока они не уйдут. Поняла?

– Да.

– Ты должна сидеть тихо, вот и все. Что бы ни случилось, ты не выходишь, не двигаешься, просто сидишь тихо и ждешь.

– ...

– Все будет хорошо.

– Да.

– Слушай меня. Может быть, мне придется отправиться вместе с этими сеньорами. Ты не выходишь, пока брат не заберет тебя, поняла? Или пока ты не поймешь, что в доме никого нет и все закончилось.

– Да.

– Жди, пока в доме не останется никого.

– ...

– Не бойся, Нина. Ничего плохого с тобой не случится. С тобой все хорошо?

– Да.

– Поцелуй меня.

Девочка коснулась губами отцовского лба. Отец провел рукой по ее волосам.

– Все будет хорошо, Нина.

Он не двигался с места, словно ему нужно было еще что-то сказать или сделать.

– Я хотел, чтобы все было по-другому. – Сказал он. – Помни всегда: я хотел, чтобы все было по-другому.

Девочка бессознательно пыталась отыскать в глазах отца то, что помогло бы ей понять происходящее. Но не нашла ничего. Отец наклонился и поцеловал ее в губы.

– А теперь иди, Нина. Полежай туда, вниз.

Она скользнула в люк. Земля была жесткой и сухой. Девочка легла на нее.

– Подожди. Держи вот это.

Отец дал ей одеяло. Нина расстелила его и растянулась сверху.

Она слышала, как отец говорил ей что-то. Потом крышка люка опустилась. Девочка закрыла глаза, снова открыла. Доски пола пропускали полосы света. Слышен был голос отца, не прекращавшего говорить. Слышен был шорох передвигаемых корзин. В подвале стало темнее. Отец о чем-то спросил. Девочка ответила. Она лежала на боку. Согнув ноги в коленях, она лежала, свернувшись клубком, будто в постели, готовясь ко сну и к сновидениям. Отец сказал что-то еще, с нежностью, приблизив лицо к доскам. Затем раздался выстрел и звон стекла, разлетевшегося на тысячи осколков.

– РОКА!.. ВЫХОДИ, РОКА! НЕ ВАЛЯЙ ДУРАКА, ВЫХОДИ.

Мануэль Рока посмотрел на сына. Пополз к нему, стараясь не подставить себя под выстрелы. Протянул руку к ружью на столе.

– Убирайся отсюда, черт возьми. Спрячься в дровяном сарае. Не выходи, и чтоб ни звука, ни движения. Бери ружье и держи его заряженным.

Сын устался на него не шевельнувшись.

– Двигай отсюда. Делай, что я говорю.

Но мальчик шагнул к нему.

Нина услышала, как пули дробью рассыпались по дому над ее головой. В щели между досками посыпалась пыль с осколками стекла. Нина не шелохнулась. Во дворе кто-то заорал:

– НУ ЧТО, РОКА, ПРИКАЖЕШЬ ЗА ТОБОЙ ЯВИТЬСЯ?.. СЛЫШИШЬ, РОКА? ЧТО, ПРИКАЖЕШЬ ЗА ТОБОЙ ЯВИТЬСЯ?

Мальчик стоял, не прячась от пуль. Он взял ружье, но держал дулом вниз. Оружие тряслось в его руке.

– Уходи, слышишь? Уходи отсюда.

Мальчик подошел к нему, с намерением встать на колени и обнять отца. Можно было понять это и так.

Отец приставил к его спине ружье. И произнес шепотом, но с яростью:

– Уходи, или я тебя убью.

Нина вновь услышала тот же самый голос:

– ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ, РОКА.

Автоматная очередь веером ударила по дому, снаружи, внутри, снаружи, как маятник, нескончаемая, снаружи, внутри, снаружи, как луч маяка поверх асфальто-черного, невозмутимого моря.

Нина закрыла глаза. Прижалась к одеялу, съежилась еще больше, подогнув ноги к груди. Ей нравилось так. Прохладная земля под боком хранила ее – земля никогда не предаст. Тело Нины – она чувствовала – начинало свертываться, закручиваться, подобно раковине, ей это было по душе – насельница раковины, прикрытая сама собой, она была всем, всем для себя самой, никто не посмеет обидеть ее, пока она лежит вот так, – и Нина приоткрыла глаза и подумала: «Не двигайся, и будешь счастливой».

Мануэль Рока увидел, как его сын выстрелил из-за двери. Приподнялся – ровно настолько, чтобы посмотреть в окно. Отлично, – сказал он себе. Переполз к соседнему окну, поднялся, бросил мгновенный взгляд и выстрелил.

Человек в кремовой куртке, выругавшись, бросился на землю. Нет, ты посмотри на этого ублюдка, – прорычал он. Вскинул голову. Нет, ты посмотри на эту сволочь. Со стороны дома донеслись еще два выстрела. Потом раздался голос Мануэля Роки:

– ПОШЕЛ ТЫ В ЗАДНИЦУ, САЛИНАС.

Человек в кремовой куртке сплюнул на землю. Пошел сам, ублюдок. Поглядев направо, он нашел там Эль Гурре, лежавшего за штабелем дров с ухмылкой на лице. Стреляй, сделал ему знак Салинас. Эль Гурре ухмылялся. Правой рукой он сжимал небольшой автомат, а левой нащаривал в кармане сигарету. Судя по всему, он не спешил. Это был тощий человечек в грязной шляпе и горных ботинках чудовищного размера. Он поглядел на Салинаса, нащупал сигарету. Сунул в рот. Все звали его Эль Гурре. Он поднялся и открыл огонь.

Нина слышала дробную очередь прямо над собой. Потом тишину. И новую очередь, длиннее первой. Глаза ее были открыты. Она глядела на щели в полу. На свет и пыль, что просачивались в щели. Иногда проносилась тень, и это был ее отец.

Салинас пополз к Эль Гурре, залегшему за штабелем дров.

– Долго еще этот Тито будет забираться в дом?

Эль Гурре пожал плечами. Он по-прежнему ухмылялся. Салинас взглянул на здание усадьбы.

– Мы так никогда не окажемся внутри. Или он сделает это, или мы все вляпались в дерьмо.

Эль Гурре погасил сигарету. После чего сказал, что пацан шустрый и заберется туда. Что он ползает как змея и можно на него положиться.

И прибавил:

– А теперь слегка пошумим.

Мануэль Рока увидел, как Эль Гурре на миг показался за дровами и бросился на землю. Долгая очередь прозвучала как по расписанию. Надо бы убираться отсюда, подумал Рока. Патроны. Сперва патроны, потом доползти до кухни и оттуда прямо в поля. Интересно, они поставили кого-нибудь с той стороны? Эль Гурре не дурак, он должен был поставить. Но выстрелов оттуда не слышалось. А поставь они там человека, он бы стрелял. Может, главный не Эль Гурре. Может, это мерзавец Салинас. Если Салинас, то он мог и забыть. Салинас ничего не смыслит в таких делах. Он всю войну просидел за письменным столом, ничего больше делать не умеет. Иди на хрен, Салинас. Сперва патроны.

Эль Гурре вел огонь.

Патроны. И деньги. Хорошо, если получится взять с собой денег. Надо ускользнуть быстро, вот что надо сделать. Подонки. Теперь пора сматываться, как только стрельба прекратится хоть на секунду; где они взяли автомат, машину и автомат. Премного благодарен, Салинас.

Патроны. И еще деньги.

Эль Гурре вел огонь.

Нина слышала, как стекло разлетелось под пулями. Полоса тишины от одной очереди до другой. Тень отца, ползущего между окнами. Нина поправила юбку. Она походила на мастера,

занятого отделкой своего творения. Лежа на боку, Нина принялась исправлять все огрехи. Сомкнула ноги, почувствовала их плотно спаянными: два нежно соединенных бедра, симметрично – как две чашки – соединенные колени, щиколотки без малейшего просвета между ними. Проверила, правильно ли расположены туфли, сдвинутые вместе, как в витрине, – только поставленные на каблук, точно *прислонились* друг к другу от усталости. Ее радовал этот порядок. Если ты слита со своим панцирем, порядок очень важен. Если ты насельница раковины, все должно быть без изъяна. Совершенство тебя спасет.

Наконец раскаты невероятно длинной очереди стихли. И внезапно – голос какого-то парня:

– Опустить ружье, Рока.

Мануэль Рока повернул голову. И обнаружил Тито, в нескольких метрах от себя. В руках у него был пистолет, наставленный на Року.

– Брось ружье и не двигайся.

Снаружи долетела еще одна очередь. Но парень не шевельнулся, все так же стоя с пистолетом в руках. Под градом пуль оба, недвижные, смотрели друг на друга, словно были одним живым существом, переставшим дышать. Мануэль Рока, полулежа, устремил взгляд прямо в глаза парня, стоявшего без всякого прикрытия. Он пытался понять, мальчишка перед ним или солдат, тысячный бой это для него или первый, управляет ли пистолетом мозг или слепой инстинкт. Рока заметил, что ствол пистолета неуловимо дрожал, словно выписывая в воздухе мелкие закорючки.

– Спокойно, парень, – произнес он.

И медленно положил ружье на пол. Затем ударом ноги отправил его на середину комнаты.

– Все в порядке, парень.

Тито глядел на него в упор.

– Молчать, Рока. И не двигаться.

Еще одна очередь. Эль Гурре действовал методично. Парень подождал, пока стрельба не кончится, не опуская ни ствол, ни взгляд. Когда установилась тишина, он посмотрел в сторону окна:

– САЛИНАС! Я ЕГО ВЗЯЛ. ПРЕКРАЩАЙТЕ ОГОНЬ, Я ЕГО ВЗЯЛ.

И спустя мгновение:

– ЭТО Я, ТИТО. Я ЕГО ВЗЯЛ.

– Он сделал это, мать твою, – сказал Салинас.

Эль Гурре изобразил на лице подобие улыбки. Он уставился на ствол автомата, точно вырезал его сам, из ясеновой ветки, на досуге.

Тито искал их глазами сквозь оконное стекло.

Мануэль Рока медленно приподнялся – ровно настолько, чтобы прислониться к стене. Он думал об оставшемся в кармане брюк пистолете, тяжесть которого ощущал. Заряжен или нет? Рока пытался вспомнить. Он коснулся пистолета рукой. Парень ничего не заметил.

– Пошли, – приказал Салинас. Они обогнули штабель дров и направились прямо к дому. Салинас шел слегка сгорбившись, подражая герою какого-то фильма. Он выглядел смешно, как и все мужчины на войне, не отдавая себе в этом отчета. Оба уже пересекали площадку для молотбы, когда в доме раздался пистолетный выстрел.

Эль Гурре пустился бегом и, поравнявшись с дверью, распахнул ее ударом ноги.

Ударом ноги он высадил дверь в хлев, тремя годами раньше, и нашел свою жену повешенной на стрехе, а двух дочерей – с обритыми головами, с бедрами, залитыми кровью.

Он распахнул дверь ударом ноги, вбежал и увидел Тито с пистолетом, направленным в угол комнаты.

– Я не мог иначе. У него пистолет.

Эль Гурре посмотрел в угол. Рока лежал на спине с окровавленной рукой.

– По-моему, у него пистолет, – повторил парень и добавил: – Спрятан где-то.
Эль Гурре подошел к Роке.

Он поглядел на рану. Потом – в лицо лежащему:

– Привет, Рока.

Он поставил ботинок на простреленную руку и надавил. Рока застонал от боли и завертелся. Пистолет выпал из кармана. Эль Гурре, нагнувшись, подобрал его.

– Классно, парень, – проговорил он.

Тито кивнул. Он сообразил, что все еще держит руку вытянутой, а пистолет – направленным на Року. Опустил пистолет. Занемевшие пальцы стали отходить. Тито чувствовал боль в руке, как если бы расшиб кулак о стену. Спокойно, подумал он.

Нине вспомнилась песенка, которая начиналась так: «Считай облака, и время пройдет». Дальше было что-то про орла. А заканчивалось все счетом от одного до десяти. Но никто не мешал продолжать до ста, до тысячи. Однажды Нина досчитала до двухсот сорока трех. Она решила, что теперь может выйти отсюда и посмотреть, кто эти люди, чего хотят. Спойет песенку до конца и выйдет посмотреть. А если не откроет крышку люка, то закричит, и отец заберет ее. Но она осталась лежать на боку, с ногами, подтянутыми к груди, с туфлями, прислоненными друг к другу, с щекой, ощущавшей холод земли сквозь грубую шерсть одеяла. Слабым голоском она затинула песенку: «Считай облака, и время пройдет».

– Ну вот и встретились, доктор, – промолвил Салинас.

Мануэль Рока молча смотрел на него. Рука его была наспех перевязана какой-то тряпкой. Рока сидел в центре комнаты, на деревянном ящике. Рядом, сжимая автомат, стоял Эль Гурре. Тито поставили охранять дверь, чтобы никто не зашел снаружи. Время от времени он возвращался в комнату – посмотреть, что происходит. Салинас ходил взад-вперед. Между пальцев – зажженная сигарета. Французская.

– Вы знаете, что из-за вас я потерял много времени? – спросил он.

Мануэль Рока поднял глаза на Салинаса:

– Салинас, ты дурак.

– Мы проделали триста километров, чтобы выкурить тебя отсюда. Столько часов в дороге.

– Скажи, чего ты хочешь, и убирайся.

– Чего я хочу?

– Чего ты хочешь, Салинас?

Салинас рассмеялся:

– Тебя, доктор.

– Ты дурак. Война закончилась.

– Что ты сказал?

– Война закончилась.

Салинас наклонился к Роке:

– Только победитель решает, когда закончить войну.

Мануэль Рока покачал головой:

– Ты начитался романов, Салинас. Война закончилась, и все, ясно?

– Не твоя война, доктор. И не моя.

Тогда Мануэль Рока принялся кричать, что его никто не смеет тронуть, что все они сгниют на каторге, что те, кто его схватит, проведут остаток дней за решеткой. Он кричал, обращаясь к Тито, что вряд ли тому понравится стареть в камере, считать часы и отсасывать какому-нибудь бандиту. Парень смотрел на него, ничего не отвечая. Тогда Мануэль Рока закричал, что его поймали, как последнего идиота, что он конченный человек. Парень не говорил ни слова. Салинас хохотал. Уставился на Эль Гурре и хохотал. Судя по всему, он развлекался. Но в конце концов посерьезнел, еще ближе придвинулся к Роке и приказал заткнуться, по-хоро-

шему. Из внутреннего кармана куртки он извлек пистолет. И сообщил Роке, что о них троих беспокоиться не надо, потому что никто ни о чем не узнает.

– Ты просто исчезнешь, и о тебе перестанут говорить. Твои друзья оставили тебя, Рока. А мои слишком заняты. Убив тебя, мы всем доставим большое удовольствие. Ты мерзавец, доктор.

– Вы дураки.

– Что-что?

– Вы дураки.

– Еще раз, доктор. Люблю разговоры о дураках.

– Иди на хрен, Салинас.

Салинас щелкнул затвором.

– Что ж, послушай меня, доктор. Знаешь, сколько раз мне довелось стрелять за всю войну? Два раза. Не люблю стрельбы, вообще оружия, никогда не носил его при себе, не люблю убивать, я провел всю войну за письменным столом, я – Бумажная Крыса Салинас, верно? меня так прозвали твои друзья, я убрал их одного за другим, разбирал их зашифрованные записки, и мои агенты нападали на них из-за угла, они презирали меня, а я их убирал, и так четыре года, но правда в том, что я стрелял только дважды, один раз ночью, в темноте, ни в кого не целясь, а второй раз – в последний день войны, когда я застрелил своего брата

слушай внимательно, мы вошли в госпиталь до прихода армейских частей, мы хотели прикончить всех вас, но вы удрали, так? вы почуяли, откуда ветер дует, сбросили наряды тюремщиков и сбежали, и оставили все как есть, везде койки, даже в коридорах, повсюду больные, но я прекрасно помню, что не слышал ни единого стога, ни единого звука, ничего, мертвая тишина, этого не забыть, каждую ночь, до конца жизни, я буду слышать эту мертвую тишину, там, на койках, лежали наши друзья, мы шли освободить их, и вот пришли, но наткнулись на тишину, потому что у них не было сил стонать, на самом деле они уже не хотели жить, не хотели быть спасенными, вот как было на самом деле, их довели до того, что им оставалось только умереть, они хотели быть не спасенными, а убитыми

я нашел брата на одной из коек, в часовне, он будто видел не меня, а далекий мираж, я заговорил с ним, он не отвечал, непонятно, узнал ли он меня, я склонился к нему, умоляя ответить мне, сказать хоть слово, но глаза его вылезли из орбит, дыхание было невероятно медленным, что-то вроде чудовищно долгой агонии, я склонился к нему и вдруг услышал: «Прошу тебя», сказанное страшно медленно, нечеловеческим усилием, голос, казалось, шел из глубин ада, совсем непохожий на голос брата, у брата был звонкий голос, он говорил как смеялся, но тот голос – это было совсем другое, он медленно произнес: «Прошу тебя», и чуть после: «Убей меня», глаза без всякого выражения, пустые, точно глаза другого человека, тело неподвижно, только лишь невероятно медленное дыхание, вдох, выдох

я сказал, что увезу его прочь, что все закончилось, что теперь я буду заботиться о нем, но он как будто вновь погрузился в свой ад, вернулся откуда пришел, сказал что хотел и провалился в свой кошмар, и что я мог сделать? я задумался, как увезти его прочь, оглянулся в поисках помощи, я должен был увезти его прочь, никаких сомнений, но я не смог двинуться с места, стоял как вкопанный, не знаю, сколько прошло времени, помню одно, что в какой-то момент я обернулся и увидел Бланко, стоящего у соседней койки, с автоматом за спиной, он душил подушкой парня, лежавшего на койке

Бланко рыдал и душил, в тишине капеллы слышались только его всхлипы, а тот парень не дергался, не издавал звуков, уходил из жизни молча, Бланко душил его, как ребенка, потом отбросил подушку и закрыл ему глаза, и поглядел на меня, я глядел на него, а он на меня, и мне хотелось спросить: «Что ты творишь?» – но ничего не вышло, и в это время вошел кто-то и сообщил, что прибыла армия, я понял, что пропал, я не хотел, чтобы меня здесь нашли, шаги уже отдавались в коридоре, и тогда я вытащил подушку из-под головы брата, осторожно,

и несколько секунд смотрел в эти жуткие глаза, я прижал подушку к его лицу и стал давить, склонившись над братом, я давил ее и чувствовал кости под своими ладонями, такое ни от кого нельзя потребовать, и от меня тоже было нельзя, я не желал сдаваться, но в какой-то момент уступил, плюнул на все, мой брат еще дышал, но уже, как видно, возвращался рассекать воздух в адских глубинах, это было невыносимо, неподвижные глаза, и этот хрип, я смотрел на него и вдруг понял, что кричу, я услышал собственный крик, но словно издалека, словно монотонную, усталую жалобу, я не мог сдержать его, он шел сам по себе, я все еще кричал, когда заметил Бланко, тот стоял рядом, он ничего не говорил, лишь протягивал мне пистолет, пока я кричал, нам было нужно бежать, обоим, он протянул пистолет, я взял, приставил дуло к голове брата, продолжая кричать, и выстрелил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.